

УДК 001.38

DOI: 10.17223/1998863X/60/24

Л.А. Тухватулина

О МОРАЛЬНОМ ГЕРОИЗМЕ И НАУЧНОМ ПРИЗВАНИИ

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

Приводится ряд критических замечаний по поводу тезиса о моральном героизме как основании научного призвания. Автор полагает, что образ ученого, представленный в статье И.Т. Касавина «Наука как общественное благо», скорее соответствует образу философа. Психологистский подход к концептуализации научного призвания едва ли может быть использован при понимании субъектности ученого в современной большой науке. Альтернативу психологистскому подходу предлагает эпистемология добродетелей: здесь мерой соответствия научному призванию становится демонстрация эпистемических добродетелей в ответственном исследовании.

Ключевые слова: научное призвание, субъект, коллаборация, большая наука, экспертиза, моральный героизм, научный этос.

В эпоху «постсовременности», возникшую на обломках модерна, наука как интеллектуальный, социально-экономический и мировоззренческий проект нуждается в переосмыслении своих оснований. В заглавной статье к этой дискуссии Илья Теодорович Касавин стремится переосмыслить понятие научного призвания в свете новых вызовов, с которыми сталкивается наука. В обществе, «где коррупция, авторитаризм, манипуляция, идеологический диктат, недобросовестность, корыстолюбие стали социологически фиксируемой нормой жизни», только «моральный героизм» как *ultima ratio* ученого оставляет возможность для реабилитации мифа о науке. «Моральный героизм» состоит в бескорыстном и самоотверженном служении, которое предполагает готовность к «испытанию общественным безразличием и даже враждебностью к истине», бесконечному дрейфу между знанием и незнанием, рискованности научного поиска.

Именно этот героический образ, по мнению Ильи Теодоровича, отражает величие призвания ученого. Жертва, которую вынужден принести ученый, вовсе не сводится к отказу от мирской славы и почета – на алтарь могут быть положены и иные, казалось бы, незбылемые, ценности: «Человек, избравший путь истины в качестве призвания, преодолевает искушения ее обманчивыми сиюминутными образами – эмпирической достоверностью, логическим доказательством, научным консенсусом, социальным признанием». Как мне кажется, в этом пассаже романтизация образа ученого достигает той точки, где он становится не отличим от образа философа. Ведь именно нонконформизм, готовность раз за разом ставить с ног на голову предшествующую традицию и предлагать неожиданные решения классических проблем во многом определяют символический капитал философа. Однако интеллектуальный радикализм, граничащий с эпатажем, и безапелляционность, которые нередко свойственны «кабинетной» философии, вызывают у ученых недоверие.

В этом смысле весьма показательна цитата из эссе российского археолога Л.С. Кляйна: «Философия – это та область знания, в которой человек стремится интуитивно познать наиболее общие и глубокие законы мироздания и мышления – те, для научной проверки которых у него нет средств и которые, по гениальному парадоксу Нильса Бора, столь верны и столь глубоки, что противоположные им законы – тоже верны. Поэтому философией заниматься могут только пустомели и гении. Наука же благодаря своему канону, своим правилам и доказательствам, доступна всем – и гениям, и массам рядовых работников, и, к сожалению, имитаторам» [1. С. 411].

Несмотря на несколько уничижительную оценку, приходится согласиться с тем, что успешность философского поиска в целом в гораздо большей степени определяется личным дарованием исследователя – его интеллектуальной интуицией, последовательным и богатым на ассоциации мышлением, умелым владением языком и иногда артистизмом (если речь идет о публичных интеллектуалах). Но, что важнее, критическая установка к знанию в философии доведена до такого предела, что стремление философа произвести интеллектуальную революцию, едва ли не пересобрав картину мира *ab ovo*, никогда не вызывало подозрения, но, напротив, считалось частью профессионального долга. Мы можем судить об этом по тем персоналиям, без которых не обходится общий курс истории философии и которые, выстроившись в один ряд по ходу семестра, оставляют впечатление, будто бы в философском знании невозможен прогресс, поскольку всякий философ предлагает новые основания для решения классических проблем, а объективных критериев для выбора предпочтительной концепции быть не может. О «персонифицированности» философии говорит и частое обращение к биографии философов в поисках ключа к их наследию, и невозможность коллективного авторства философского текста. Эта особенность философского творчества позволяет ставить вопрос о мотивации и призвании философа, в том числе осмысливая их в категориях морального героизма.

В то же время современная наука явно стала коллективным предприятием. Весьма характерным симптомом изменения являются регулярные дискуссии об основаниях выбора конкретных людей для присуждения нобелевской премии (по правилам, лауреатов не может быть более трех). Отнюдь не всегда является очевидным то, кому принадлежит основной вклад, если речь идет о многолетних исследованиях, в которых были задействованы большие научные группы. Как полагают М. Каллон и Дж. Ло, субъективность и субъектность в современной большой науке перестают иметь определяющее значение: «Отныне невозможно провести границу между людьми и техническими средствами. Как следствие, нельзя сказать, что ученые участвуют в конференциях с целью презентации *их собственных* экспериментальных результатов. Напротив, команда отправляет докладчика для представления ее работы, и вполне возможно, что этот докладчик не имеет никакого отношения к представляемым результатам. Фигурально выражаясь, субъективность, субъектность (*agency*) и ответственность в этих новых формах гетерогенной коллективности, которые изобрела большая наука, оказались разрушены» [2. Р. 178].

Вопрос об авторстве становится одним из важнейших и тогда, когда речь заходит о научных коллаборациях. Здесь «любое решение о распределении

заслуг среди соавторов (которых иногда может быть несколько десятков. – Л.Т.) неизбежно будет формальным, поскольку если соотнести автора с познающим субъектом, то оказывается, что в коллаборационном познании субъект подвижен («мобилен») и имеет непостоянные и трудноопределимые границы» [3. С. 113]. Отсюда проблема авторства требует как постановки фундаментальных вопросов о природе коллективного познания, так и определения сугубо технических критериев наукометрического учета с поправкой на конкретный вклад участников исследования. По-видимому, и понимание научного призвания сквозь призму индивидуальной мотивации участников в случае с большими исследовательскими проектами едва ли возможно. Целеполагание отдельных индивидов может меняться по мере их взаимодействия друг с другом, а граничное стремление к истине может и вовсе не быть мотивационной детерминантой, уступая место любопытству и радости от общения с единомышленниками. И в целом моральный героизм как критерий научного призвания, как мне кажется, предполагает, что ученых можно разделить на избранных «рыцарей истины», чьи имена остаются в истории, и обезличенное большинство, занятое рутинной работой и техническим обеспечением исследования. Последние, следуя такой трактовке, могут и вовсе оказаться лишены призвания. А значит, определение призвания в терминах морального героизма приводит к искаженному представлению о науке и искусственной дифференциации ученых по степени их соответствия эталону героя. При этом ученые, уверовавшие в собственную избранность, на деле нередко оказываются шарлатанами.

Нельзя не отметить и то, что уровень развития знания и технических средств, которыми обладает наука, примерно к середине XX в. достиг той точки, когда оказалось необходимым этическое самоограничение науки. Служение истине «во что бы то ни стало» более не является достаточным обоснованием научного поиска. Сегодня в таких «чувствительных» областях, как фармакология или генетика, легитимность результатов определяется не только критерием приращения знания, но и соответствием процедуры их получения этическим регламентам.

Еще один аспект, который возникает в связи с подобной трактовкой призвания, связан с экспертной деятельностью. Образ ученого, который, как пишет Илья Теодорович, «приносит себя в жертву истине», может ложиться в основу общественной легитимации научной экспертизы [4]. Героизация «людей науки» становится элементом идеологии технократизма, она призвана упрочить общественный авторитет ученых-экспертов и их рекомендаций. Однако нередко этот образ работает против доверия к науке. При этом уравнивание образа ученого и эксперта приводит к тому, что нивелируется различие между научным и экспертным знанием. Экспертиза, в отличие от чистой науки, не может быть заперта в «башне из слоновой кости» [5]. Она призвана обеспечить поле для медиации и бесконфликтного соотнесения позиций заинтересованных сторон. Знание, к которому стремится экспертиза, достигается путем публичной делиберации¹. И именно отказ от делиберативных механизмов болезненно воспринимается обществом и может приводить к дискредитации самой экспертизы. Провалы в коммуникации между экспер-

¹ Парадным примером такой делиберации, совместившей исследование и экспертизу, стало само создание современного европейского университета в ходе гумбольдтовских реформ [9. С. 215–235].

тами и общественностью стали особенно очевидны в ходе борьбы с последствиями пандемии [6]. В свою очередь, к монополизации экспертизы апеллируют идеологи деналистских движений, призывающие не доверять ученым и игнорировать их рекомендации. Моральный бунт против «захвата» экспертизы становится бунтом против научной рациональности как таковой. В этой связи, как мне кажется, образ жертвующего собой ученого лишь усугубляет противопоставление профессиональных экспертов и иных участников. Однако интересам эффективной экспертизы как процесса агрегации «распределенного знания» в большей степени соответствует стремление к паритетному сотрудничеству всех заинтересованных сторон.

В заключение хотелось бы отметить, что психологизация научного призвания не вполне способствует пониманию коллективной субъектности в большой науке, равно как и легитимации публичной роли науки в современном мире. Вполне возможно, что смыслополагание ученого и вовсе не является необходимым для концептуализации научного призвания. Важнейшей задачей ученого является проведение ответственного исследования, качество которого в существенной мере зависит от эпистемических добродетелей, демонстрируемых субъектом. Добросовестность исследователя (и, как следствие, его соответствие желаемому образу ученого) в этом случае определяется не его психологической мотивацией, но тем, какие эпистемические добродетели характеризуют его научный поиск. При этом задачей эпистемологии становится картирование добродетелей и пороков для каждой конкретной области исследования [7]. Такого рода подход несколько «заземляет» постановку вопроса о научном призвании, позволяя сформулировать минимальные критерии ответственного исследователя без риска самообмана в экзистенциальном вопрошании.

Литература

1. Клейн Л.С. В чем научность науки? Гуманитарий – это ученый? // Муки науки. Ученый и власть, ученый и деньги, ученый и мораль. М. : НЛЮ, 2017. 576 с.
2. Callon M., Law J. After the Individual in the Society // The Canadian Journal of Sociology. 1997. Vol. 22, № 2. P. 165–182.
3. Пронских В.С. Научная коллаборация: философско-методологические проблемы // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 4. С. 112–116. DOI: 10.5840/eps202057462
4. Fuller S. If Science Is a Public Good, Why Do Scientists Own It? // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 4. С. 23–39. DOI: 10.5840/eps202057454
5. Turner S. Science on Demand // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 4. С. 52–61. DOI: 10.5840/eps202057456
6. Lavazza A., Farina M. The Role of Experts in the Covid-19 Pandemic and the Limits of Their Epistemic Authority in Democracy // Public Health. 14 July 2020. DOI: 10.3389/fpubh.2020.00356. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpubh.2020.00356/full#h3> (accessed: 12.12.2020).
7. Roberts R., Wood W. J. Intellectual Virtues. An Essay in Regulative Epistemology. Oxford : Clarendon Press, 2007.

Liana A. Tikhvatulina, Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science” (Moscow, Russian Federation)

E-mail: spero-meliora@bk.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 60. pp. 254–258.

DOI: 10.17223/1998863X/60/24

ON MORAL HEROISM AND SCIENTIFIC VOCATION

Keywords: scientific vocation; agent; collaboration; big science; expertise, moral heroism; scientific ethos.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00494.

The article provides a number of critical remarks on the thesis of moral heroism as the basis of scientific vocation. The author believes that the image of the scientist presented in the article “Science: A Public Good and a Humanistic Project” by Ilya Kasavin rather corresponds to the image of a philosopher. The author believes that the psychological approach to the conceptualization of scientific vocation is not promising for understanding scientist’s agency in the modern big science. The goal-setting of individual researchers can easily be changed, and the boundary striving for truth may not be a motivational determinant at all, giving way to curiosity and joy from communicating with like-minded people. The author claims that moral heroism as a criterion of scientific vocation suggests that scientists should be divided into the selected “knights of truth”, whose names remain in history, and the impersonal majority, busy with routine work and technical support of research. It looks like, in accordance with the discussed approach, the latter, since they do not fit the image of a moral hero, do not have scientific vocation at all. The author considers the problem of the definition of a scientist and attribution of authorship in scientific collaborations. In addition, the author notes that the image of a scientist as a moral hero harms the interests of expert examination and the establishment of peer participation of all interested parties in it. The author believes that an alternative to the psychological approach is offered by virtue epistemology: here, the demonstration of epistemic virtues in responsible inquiry becomes a measure of compliance with scientific vocation.

References

1. Klein, L.S. (2017) *Muki nauki. Uchenyy i vlast', uchenyy i den'gi, uchenyy i moral'* [The Tortments of Science. Scientist and Power. Scientist and Money. Scientist and Morality]. Moscow: NLO.
2. Callon, M. & Law, J. (1997) After the Individual in the Society. *The Canadian Journal of Sociology*. 22(2). pp. 165–182.
3. Pronskikh, V.S. (2020) Collaboration in Science: Philosophical and Methodological Problems. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 4(57). pp. 112–116. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202057462
4. Fuller, S. (2020) If Science Is a Public Good, Why Do Scientists Own It? *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 4(57). pp. 23–39. DOI: 10.5840/eps202057454
5. Turner, S. (2020) Science on Demand. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 4(57). pp. 52–61. DOI: 10.5840/eps202057456
6. Lavazza, A. & Farina, M. (2020) The Role of Experts in the Covid-19 Pandemic and the Limits of Their Epistemic Authority in Democracy. *Public Health*. 14th July. DOI: 10.3389/fpubh.2020.00356
7. Roberts, R. & Wood, W.J. (2007) *Intellectual Virtues. An Essay in Regulative Epistemology*. Oxford: Clarendon Press.